

ключительного положения. Практики (как Брюнинг, напр.), натолкнувшись на этот пробел, восполняли его более или менее случайными и паллиативными, а главное, замаскированно-нелегальными мерами. Однако мысль, которая бы попыталась восполнить этот пробел, должна иметь в виду, что теперь проблема исключительного политического положения стоит на общем фоне проблематики исключительного культурно-исторического положения.

Н. Качалов.

О Горгулове и горгуловщине

В деле Горгулова характерно русским является не столько само преступление, сколько отношение к нему самих русских. Известна наша давнишняя и столь закоренелая национальная черта самооплевывания и самосечения (при том обязательно публичного). Не замедлила она сказаться и здесь — в этом чудовищном и гнусном преступлении. Так, один известный публицист разразился целым фельетоном, где «горгуловщине» сообщается какое-то универсальное национально-русское значение. А ред. «Нов. Гр.» допустила уж совсем неосторожную статью в этом же роде. Основания для самообличения в «горгуловщине» статья в «Новом Граде» усматривает в особенности в эмигрантском активном анти-большевизме — во первых, и в нашем эмигр. национализме — во вторых. — Но так ли это?

Эмиграция — да, борется с большевиками, иначе она не была бы политической эмиграцией. Но при чем тут убийство Президента Французской Республики, сочувствовавшего к тому же рус. эмиграции!? Какая тут логическая зависимость!? Активный анти-большевизм может вести к убийству большевиков, но как он должен был привести к убийству Президента Французской Республики — нам так и осталось не ясным. Дальше.

Эмиграция — да, националистична. Но какая же из современных наций свободна от национализма? Почему же у нас это должно вести к «горгуловщине», или определеннее выражаясь, к отвратительному, гнусному преступлению, при том против главы дружественного нам народа?!

Дело тут, конечно, не в логике, дело, повторяем, в нашей национальной психологии, в обычном для нас стремлении обобщать до размеров обще-национального явления всякое патологическое проявление, всякую гнусность, совершаемую в нашей среде. У каждого народа есть своя национальная патология, своя хроника преступлений, уродств, общественно-политических извращений и пр. Но толь-

ко на русской почве такие явления, как, например, недавнее чудовищное дело т. н. финляндских «саганистов», или как, заставившее передернуться мир, жуткое дело т. н. «дюссельдорфского вампира» в Германии, были бы обязательно обобщены до обще-национальной черты характера.

И если у себя дома эту нашу непристойную склонность самооплевывания можно еще терпеть, то любителям самооплевывания и самосечения здесь на чужбине, под кровом гостеприимства чужих народов, не следовало бы забывать о соображениях своего национального достоинства, а также и о том простом житейском факте, что тысячи и десятки тысяч безвестных рядовых русских зависят в своей судьбе от того или иного отношения к ним приютивших их иностранцев, отношения, которое не может улучшиться от того, что те, кто их печатно представляет, будут всякую гнусность, всякое преступление в своей среде возводить в черту нашего обще-национального характера. Не выходит ли так, что большевистская провокация не удалась, так мы занялись самопровокацией!? А в то же время в эмигрантской политической склоке, появились уже позорные попытки использовать «горгуловщину», как средство борьбы со своими политическими противниками (см. печатные инсинуации о ближайшей, якобы, политической связи Горгулова с младороссами. «Младорос. Искра»). Мы делаем предостережение: во взаимоневисти мы еще раз готовы потерять голову. Пока не поздно, преступную и безответственную борьбу при помощи «горгуловщины» надо оставить, иначе это позорное клеймо по самой логике борьбы приведет к очернению всей эмиграции!

Горгулов совершил преступление, «горгуловщина» не что иное, как уголовный факт, возможный у любого народа, в любой среде, в любое время. И как к уголовному факту, к нему и надо прежде всего относиться. Это соображение лишь усиливается следующим обстоятельством.

В горгуловском преступлении сложным образом сплелись два момента его обусловившие: преступность натуры убийцы, патологическое извращение сознания — с одной стороны, и чья то сторонняя, искусная инспирация; инспирация, очевидно тех кому это преступление было выгодно — с другой стороны. Следует при этом иметь в виду, что такого рода преступление выгодно не только большевикам, но и некоторым др. международным силам, которым не выгодна историческая дружба французского и русского народа, представляемого теперь здесь русской эмиграцией.

И именно потому, что в преступлении участвовали оба названных момента, друг друга восполняя и усиливая, но и ограничивая и стусевывая, преступление можно было с известным основанием подводить под каждый из них и вместе с тем, ни под один из них впол-

не. Политическое значение и интерес имеет, конечно, только второй из этих двух моментов. На него мы и ответим, что врагам французского и русского народа не удалось и не удастся спровоцировать их исторической дружбы.

Редакция.

Ответ нашим критикам

(«Утверждениям», «Нов. Гр.», «Крест. Объед.», «Вестн. Крест. России», «Зелен. Лам.», Вишняку, Карташеву и др.)

В наши намерения не входило полемизировать с такого рода половинчато-пореволуционными (на половину большевистскими) изданиями, как журнал «Утверж.», ибо, подобно тому, как некогда все революционные группировки, так или иначе работали на большевиков — наиболее последовательно — револ. группир., так теперь, различные наши поревол. течения непоследовательно делают лишь ту работу, которую последовательно делаем и доделаем мы. — Так что пусть бы себе «сделали» ее. Но дело в том, что теперешний издатель и редактор этого журнала в последнем (и к сожалению, повидимому, вообще последнем) третьем номере его решил заняться «обличениями», а часто просто инсинуациями, всех других существующих пореволуц. течений, в чем мы усматриваем вообще не только этически допустимое, но при известных условиях, полезное и необходимое дело. Мы исходим из того убеждения, что общ.-политические болезни лучше всего лечить, выводя их на свет Божий, что мы и будем впредь делать, безжалостно и беспощадно предавая их общественной гласности. Но только в данном случае этих «известных условий», к сожалению, нет и полезное вообще дело обращается в отвратительное лицемерие и моральное «шахсрмахерство». В самом деле, говоря о болезни «вождизма» г. Ширинский мог бы подтвердить свои слова тем фактом, что если ни одно из поревол. течений в этом т. н. «объединение поревол. течений» жур. Утвержд., не участвует — мы не говорим о персональном участии — то, как известно г. Ширинскому, не последней причиной этого явилась ни для кого совершенно не приемлемая его кандидатура редактора (т.е. тоже «вождя»), которую он, однако, не только не снял во имя сохранения от развала дела, созданного общими усилиями, но не остановился перед приемами (не поддающимися печатной квалификации), чтоб эту свою кандидатуру все таки провести. Эта общеземлянская болезнь «вождизма» есть, конечно, и у нас у всех. И все же по человечеству, болезнь эту можно как то понять и следовательно, даже «простить», но мы должны решительно отказаться от такого «понимания» представлений тех кандидатов в «вожди», которые думают, что все необходимые для этого дарования, преданность делу, нравственно-волевые достоинства можно компенсировать за их отсутствием одной лишь нулевой «ловкостью рук».

Но дальше. Берем этот же третий номер. — Зачем весь этот сплошной блефф, дутый успех, пуф, очковтирательство, грубая вульгарная самореклама, подобная базарным выкрикам торговцев с лотков,